

Писатель и общество

Должны отступить, отойти в сторону
все те, кто лелеет надежду,
что перестройка — это всего лишь
временный переполюх, который
вскоре пройдет. Нет,
к старому возврата быть не может.

Сильва
КАПУТИКЯН

ПРОСНОВО НА БЕССОННИЦУ

КАК-ТО ВО ВРЕМЯ встречи с писателями один из руководителей нашей республики сказал:
— Вы очень уж активно вмешаетесь в наши дела — атомная станция, загрязнение воздуха, судьбы соотечественников за рубежом... Думаете, мы меньше вашего патриоты? Я ночей не сплю, опасаясь; вдруг что-то случится с атомной станцией или цистернами хлора на научном заводе «Наирит»?..
— А почему вы нас лишаете права на бессонницу? — ответил ему один из писателей. — Ведь мы не меньше, чем вы, ответственны перед страной, перед народом.

ГОДА ДВА-ТРИ назад я отказалась от предложения «Литературной газеты» выступить на ее страницах в почтовой и престижной рубрике «Писатель и общество». Отказалась не только потому, что не хотела лишиться раз без всякого толку высасывать на всеобщую трибуну изъевшие в жизни моей республики, так глубоко тревожащие меня. Не хотела этого еще больше, потому, что временной отрезок, связанный с именем Брежнева, казался таким безысходным, что любая статья или выступление представлялись тщетным и бесплодным усилием всколыхнуть атмосферу равнодушия.

Сейчас, оказавшись в водовороте страстей, вызванных временем, чувствую, что рука сама тянется к перу: надо высказать до конца то, чем болела годами, что до сих пор только едва-едва удавалось выплеснуть. Хочется всеми своими силами, с полной отдачей души и мысли включиться в это нарастающее изю дня в день кипение, влить свои заряды в общую копилку духовной и интеллектуальной энергии народа, чтобы как можно полнее и беспрерывней вращался двигатель обновляющих перемен, двигатель перестройки.

Чем дальше, тем больше люди должны убеждаться, что перестройка — не накопление очередных постановлений, не декоративное мероприятие, как это было бы много лет назад, а последовательный процесс коренных преобразований общества, целительное обогащение здоровой кровью наших высоких идеалов.

Это не только смещение с той или иной руководящей должности, вынесение партийного или административного взыскания, а новое мышление во всем, новое отношение к социальным явлениям прошлого и настоящего, к внешнему миру, к природе, к науке, к искусству, к человеку, к самому себе — прежде всего к самому себе.

ЭТОЙ ОСЕНЬЮ «дозиметр», показывающий уровень общественного беспокойства в Армении, — а он и так был в напряжении из-за построенной под Ереваном в сейсмической зоне атомной электростанции, — буквально зашкаливало. Отвечая на опубликованную 24 июня 1987 года в «Литературной газете» статью Зорья Валабяна «Ереван в беде», Главный санитарный врач СССР заявил, что с 1 сентября того же года будет закрыто старое производство научуча, в 1988 году — и все объединение «Наирит». И вот 1 сентября перед воротами завода собралась масса ереванцев, чтобы удостовериться, правда ли то, что пишут в газетах... Через два-три дня, видимо, чтобы как-то успокоить взволнованную общественность, армянское телевидение организовало передачу, где приглашенные в студию официальные лица и специалисты отвечали на телефонные вопросы зрителей.

Я очень рада, что сподобилась увидеть эту передачу, ибо нигде больше, ни в каком кинофильме, представлении, книге, не смогла бы столь зримо, внятно, как говорят, «в натуральную величину» увидеть, что означает «функционер» и «замшелый бюрократ». Это люди, страдающие патологической глухотой души и совести, для которых не существует счастья и здоровья народа, родного города, даже собственных детей, а есть только задание, выполнение которого стало «сверхзадачей», коей они служат всю свою жизнь, прививнув к своему кабинету, положению, материальным благам, квартирным премиям, наградам. Стоило увидеть самодовольную благодать на лицах руководителей «Наирита», поскольку предложения Главного санитарного врача СССР не были полностью удовлетворены свыше. С каким злорадством они повторяли: «А где решение? Принесли решение, и мы закрыли завод. Решения нет и не может быть!»

С телеэкрана перед нами встало обреченное обличье и голос явление, называемое «бюрократическая стена» — стена, о которую могут разбиться любая живая мысль и чувствующая душа.

ПРЯМО напротив моих окон поднимается пятиэтажный дом, и на последнем этаже его — свежесоборашенный балкон. Каждый раз, когда я смотрю на него, мне становится не по себе, и я думаю: не злая ли это игра самого произведения, что балкон этот именно перед моими окнами? Он там, чтобы каждый раз при виде его вновь и вновь всплывала грустная история, связанная с ним.

Много лет назад из Бейрута в Армению приехал тамошний молодой армянин Карапет Касакян, чтобы получить образование на родине. Он поступил на химический факультет Ереванского университета. Здесь учился, здесь же и женился на своей однокласснице Лусии. Окончив учебу, уехал с женой обратно, твердо решив, однако, через некоторое время навсегда вернуться в Армению. И вернулся. Вернулся в 1982 году из Америки уже признанным специалистом по обезвреживанию промышленных отходов, очистке окружающей среды и отрав-

ленных вод, удостоенный международной премии за новый способ очистки отравленных наладских озер. Вернулся, бросив благоустроенную виллу, кафедру в Гарварде, высокую зарплату и блестящие перспективы.

Помню Карапета и Лусию в первые дни приезда. Они сполна хлебнули трудностей: долгое время никак не решалось его трудоустройство, маета с жильем, заболели дети.

Наконец после вмешательства Председателя Совета Министров республики объединение «Наирит» нашло для Касакяна место руководителя лаборатории по охране окружающей среды. За короткое время он осуществил немало важных дел, в числе которых — технология очистки и использования в производстве «Наирита» вод ближайшего озера Капутич. Несмотря на мизерные возможности, предоставленные специалисту такого масштаба, Касакян был воодушевлен.

Однако Карапет Касакян был не тот человек, чтобы заниматься одной лишь своей лабораторией. Пунктуальный и деятельный, он очень скоро выяснил, сколько вредных веществ ежедневно выбрасывается «Наиритом», установил, что руководство предприятия предумышленно сообщает контролирующим органам заниженные цифры, что свалки ядовитых отходов стали источниками отравы для земли, подземных вод и живущих поблизости людей, что плохо работают, не работают или вообще не строятся очистные сооружения, а выделенные на эти цели миллионы уходят невесте куда. Как член профкома (куда он был избран по настоянию рабочих), Касакян выявил, что автомашины и квартиры распределяются не всегда справедливо, что десятки тысяч рублей расходуются на бесполезные изобретения и растраточения, что...

«Ты не патриот «Наирита», ты бравируешь нашими недостатками, разглашаешь служебные данные, мешаешь выполнять план. Так дальше не пойдет», — пригрозили ему руководители объединения.

«Согласно нашим законам ваша полученная за границей докторская степень у нас не действительна», — через два года спохватившись вдруг в отделе кадров, до сегодняшнего дня вы незаконно болели высоким окладом, а полагаются вам не больше двухсот рублей».

Тучи сгущались все больше и больше. На «Наирите» работать уже невозможно, — как-то заявил он мне. — Написал письмо первому секретарю ЦК Компартии Армении, попросил принять меня. Хочу рассказать ему о тревожном экономическом положении, о ереванском воздухе, воде...

Но встреча не состоялась. Пришлось и мне просить о том, чтобы Касакян выступил: к своей просьбе я приложила письмо сотрудников его лаборатории, где они просили руководство «Наирита» как можно быстрее устранить разногласия с Касакяном и дать им возможность продолжить начатую под его руководством интересную и перспективную работу, благодаря которой «вопросы охраны окружающей среды для нас стали не простым звуком, а животрепещущей проблемой».

Но никто на это письмо не обратил внимания. Лабораторию Касакяна ликвидировали, начатые ею работы прервали. Воды Капутич так и остались непригодными для производства, а и без того дефицитная питьевая вода, появление которой на несколько часов в краях — подлинное счастье для ереванцев, по-прежнему десятками тысяч кубометров уходило на производство научуча.

Пока я и другие пытались устроить Касакяна на новое место, случилось неожиданное. — Оставаться здесь дальше бессмысленно, — сказал он мне. — Мои знания и опыт говорят одно, а то, с чем я тут столкнулся, — совсем другое. Чтобы приспособиться, надо иметь другой характер. Нет, лучше уехать. Я бы только просил вас помочь мне ускорить дело с выездом. Вот уже восемь месяцев я без работы, продавая больше ничего...

Эта ночь стала одной из многих моих бессонных ночей. Я вспоминала слова Касакяна: «Ваша «Мерида»...» были моей и Лусии настольной книгой. Ведь вы же сами говорили: «Дом и родина человека должны быть в одном месте...». Вспоминала свои устные и письменные выступления, свое непримиримое отношение к покидающей родину, а теперь вот сама должна способствовать его отъезду. Поражение Касакяна было и моим поражением...

Скоро опустел балкон напротив моих окон. Связанная с Касакяном история в главных своих чертах — явление общее. Это результат необратимой оскотенности административно-приказной системы управления, результат десятилетиями утвердившегося способа действий, когда спущенный сверху приказ непрерываем и неоспорим, когда он становится фетишем, идолом, тотемом, новым божеством с железными руками и ногами, перед которым падают ниц подчиненные. И происходила деградация важных человеческих качеств — самостоятельности, инициативы, ответственности, а это привело в конце концов к печальным последствиям — упадку экономики страны, к то-

му, что на грани гибели оказались Байкал и Севан, что земли Каракалпакии опустынились и стали вотчиной змей и скорпионов, что в Белоруссии из-за бездумного осушения болот расплодился рак, эрозия, а солнечные плоды Молдавии перекормили химикатами. Привело к трагедии Чернобыля...

УДАВЯЯСЯ о бетонную стену бюрократии, живые души разбивались по-разному. Разбивались так, как это произошло с Касакяном и сотрудниками его лаборатории, письмо которых так и осталось гласом вопиющего в пустыне.

Разбивались и по-другому — незаметно, невидимо, даже сами не чувствуя, что разбиваются...

Не все в той телепередаче, о которой я рассказывала вначале, вели себя одинаково. Чувствовалось, что кое-кто внутренне не согласен был не только с речами других, но и с тем, что слетало с их же уст. Но они проплатили уверять, что выбросы тысяч тонн отравляющих веществ в воздух вовсе не так опасны, что «руководство завода всегда прилагало и впредь приложит все усилия, чтобы оправдать доверие партии и правительства» и т. д. и т. п. Глядя на них, так и хотелось воскликнуть: до каких же пор будет гнездиться в нас это рабование, проклятая запрограммированность души и ума, принявшие за столько лет все мыслимые и немыслимые оттенки! Выходит, гораздо легче очистить воздух от хлора, прена, нежели души — от слепого подчинения, от примиренчества, от ставшего уже чертой характера разлада между тем, что думаешь, и тем, что говоришь!

Это дело не одного-двух, а долгих лет и десятилетий, ибо укоренились они в нас тоже годами и десятилетиями. Корни этого явления тянутся в те времена, которые остались в памяти страны под зловещим кодом — «37-й»... Код этот на какой-то период стал своего рода «генетическим кодом» нравственности. Отнесенный на задний план в роковые и героические годы Великой Отечественной, он тем не менее передавался из поколения в поколение, увел людей, приучил их молчать, скрывать мысли, приучил к двуличию и шкурничеству. И каждый раз, когда человек пытался избавиться от этих унизительных обретений и возвысить голос во имя правды, перед его глазами молнией вспыхивало «37» со своим «смертельным», подобно предостережению на трансформаторных будках.

И хотя после XX съезда партии из магаданов и солонцов двинулись домой шешелюны «без вины виноватых», к сожалению, где-то на полпути застряли все те попытки и замыслы, что призваны были вернуть человеку человеческие добродетели — честность, смелость, раскованность мысли, свободу души и ума. Эти всплески были на поверхности в пятидесятые — шестидесятые годы качества вновь потихоньку увязли в затянутаом шелком переходящих знамен и блеском орденов застойного болота и обрели новые черты, которые называются равнодушием, инертностью, психологией социальной отчужденности от общества и его судьбы, цинизмом, дефицитом идеалов — одним словом, безверием. Из безверия, этого величайшего зла, родились остальные наши напасты: философия потребительства, бездуховность, погоня за «сладкой жизнью», рост преступности, наркомания, болезненное влечение к всевозможным религиозным сектам, а более всего — патология алкоголизма.

Да и как и во что было верить, если между словом и делом развезлась целая пропасть, если иные руководители, постоянно выступая от имени народа, сами столь же постоянно игнорировали его интересы, чтобы подольше удержаться в своих креслах. Говорили о социальной справедливости, а сами загода обеспечивали не только себя, но и своих отпрысков всеческими благами, должностями и чинами, чуть не устанавливая целые династии номенклатурщиков. Говорили о скромности коммуниста, а сами украшали себя иконостами орденовских колодок и высшими титулами. Говорили о высокой морали, личной жертвенности во имя общества, о борьбе против стяжательства и коррупции, а сами собирали коллекции машин и прилюдно, на глазах всей страны, принимали драгоценные перстни.

Видеть все это и делать вид, что не видишь, встречать лопь и фальшь и чувствовать, что ты ничего не в силах сделать, сталкиваясь с унижающей достоинство грубостью начальства, ежеминутно напоминающего о «винтиковом» твоём существовании, о твоей малозначимости и заставляющего не уважать самого себя, а дома — стесненные жилищные условия, нехватка самого насущного. Поэтому да здравствует помогающая все забыть водка! Уже хотя бы потому, что эта гипнотизирующая змеиной зеленой бутылкой, делься ровно на тронх, как бы удовлетворяла жажду социального равенства, а рефрен: «Ты меня уважаешь?» — «Я тебя уважаю!» — утолял желание быть уважаемым в обществе и уважать самому...

Да, алкоголизм не только личное зло, но и зло социальное, общественное, и против него надо бороться не только суровыми законами и — что совершенно уж нелепо — выкорчевыванием виноградников, а выкорчевыванием тех социальных пороков, которые укоренились в обществе.

А это, как уже много раз сказано, можно сделать через демократизацию и гласность — те самые рычаги, ту самую архимедову «точку опоры», которые и позволяют повернуть наше общество в естественное русло, возродить в человеке нравственные основы. Трудно определить, сколько упорных стараний требуется для этого, но без такого возрождения невозможны никакие экономические преобразования, научнотехнический прогресс, ускорение, охрана окружающей среды, сколько бы для этого ни предоставлялось материальных средств и ни разрабатывалось новых форм управления.

ПЕЧАЛЬНЫЕ факты недавнего прошлого — красноречивое свидетельство упадка человеческих качеств, своего рода нравственное самоуничтожение, в которое были вовлечены почти все мы...

И я себя считаю одной из таких вовлеченных, потому что вместе со всеми участвовала в этом «заговоре молчания», в этой злостной инерции покорного приятия любого унижения. Но если б я только молчала! Случалось, что и говорила там, где должна была молчать, писала стихи, в которых впоследствии глубоко раскаивалась. И многое бы сейчас дала за то, чтобы ни тех стихов, ни тех выступлений не было.

Эти тягостные ощущения и смятение сказались в последних моих работах, среди них стихотворение «Дом Пастернака в Переделкине», где есть такие строки:

Неужто все жестокости и горести
Мы как напиманье не храним
И сызнова с холмопной покорностью
Склоняемся пред вняным лобом!
(Перевод В. КОРНИЛОВА)

Воистину, все жестокости и горести нашего прошлого должны быть ежесекундно напоминанием и уроком. Это нужно не только нам, но и нынешнему и грядущему поколениям. Наше общество нуждается в исповеди, очищении — как посредством научных дискуссий и исследований, так и — возможно, даже в большей степени — через литературу и искусство.

Важную и заветную миссию несут в себе фильмы, «Покаяние» например, спектакли «Говори...» и «Диктатура совести»; книги «Новое название», «Дети Абрата», «Белые одежды», «Зубы», «Ночевала тучка золотая», «Стук в дверь» — все, что пришло к нам в результате демократизации нашей жизни и что само, в свою очередь, углубляет и ускоряет процесс демократизации.

Я удивляюсь тем людям, которые заявляют, что они не нуждаются в перестройке, будь то известный кинорежиссер или рядовые оппоненты Д. С. Лихачева. Мы все нуждаемся в ней, поскольку в таком неутихомирном состоянии общества есть и наша доля вины, и каждый из нас несет свою часть ответственности, а поэтому непросто, тем более художнику, так бронировать свою совесть. Как не испытывать чувство если не вины, то сожаления, вспоминая судьбу тех писателей, тех художников, кто с жаром начал работать в духе перемен XX съезда, но очень скоро уперся лбом в ту же стену. В. Овечкин, А. Яшин — сколько прекрасного создали бы они, если бы время застоя не подрезало им крылья и для их умного таланта оказалась бы «летная погода»!

Соединив с релсов экономики можно вновь поставить на рельсы, ошибочные расчеты можно выправить, давным-давно заброшенную стройку можно завершить, рухнувший мост можно восстановить, а вот готовое сорваться с губ, но заданное слово уже не вернуть. Оно исчезает вместе с самим человеком. И это потеря не только отдельной личности, а всего народа — безвозвратная потеря частички его духовного бытия.

С какой материальной утратой можно сравнить безвременный уход Александра Твардовского, который произошел на наших глазах, на глазах как нуждающихся, так и «не нуждающихся» в перестройке, и в не столь уж отдаленные времена? Существует множество разных свидетельств о грандиозном поведении великого поэта и замечательного редактора «Нового мира». Рассказывают, что когда Твардовский поехал в больницу к считавшемуся диссидентом литератору, который находился в крайне тяжелом материальном и физическом состоянии, один из ответственных чиновников тех лет с сожалением заметил: «Как жаль, Александр Трифонович, что вы пошли на такой шаг, а ведь мы собирались представить вас к званию Героя Социалистического Труда». Вспоминая этот случай, Твардовский с горечью добавлял: «Выходит, если б я испугался и не навелит нуждавшегося в моей по-

мощи человека, то удостоился бы звания Героя».

Сколько таких больших и малых горестей выпало на долю поэта! Сколько больших и малых обид, расшатавших его нервы и сокративших жизнь, было нанесено ему! Как неизъяснимо тяжело, когда всеми нитями души и до мозга костей предан родной земле, связан с ее радостями и печалью, когда прикладываешь все силы, чтобы помочь погрязшему в тине ближнему подняться на ноги и очиститься, но наталкиваешься на тупое сопротивление, запутываешься в колочей проволоке бессмысленных запретов!.. А Твардовский — это словно бы обобщенный образ всех тех, кто душой и сердцем связан с родной Советской страной, кто, каждый на своем месте и в меру своих сил, восставал против ксности тех лет, кто сражался за идеалы, ради которых была пролита кровь в Великой Отечественной, за идеи, которым посвятил всю жизнь, молодость, страдания бессонных ночей, тревоги и надежды зрелых лет. Все они — как сосны, что, выдержав холода и морозы зимы, упорно остаются зелеными, пока не пришла пора зазеленеть и расцвести всему лесу.

ПУСТЬ цветение это идет пока медленно, пусть не всегда еще полной грудью вдыхаешь освежающий воздух весны. По сравнению с бурным пробуждением Москвы медленно сдвигаются с места окраины, области, республики. В то время когда центральная печать, телевидение, партийная пропаганда производят настоящий переворот в общественном сознании, стараясь распахнуть окна гласности и демократии, чтобы разогнать затхлый воздух надолго закрытой комнаты, когда вспыхивают бурные дискуссии о белых, а вернее, черных пятнах истории и проверке их светом истины, — на окраинах, да хотя бы у нас, в Армении, многое идет по-старому. Все так же «под запретом» давным-давно лежащие в могилах писатели и ученые, которые — когда-то! — хоть и примыкали, чаще всего формально, к различным партиям, но творчество которых, глубоко гуманистическое и демократичное, составляет неотъемлемую часть духовного богатства нашего народа. А в высших инстанциях республики все еще накладывают вето на деятельность тех ученых, которые в свете перестройки только попытались переосмыслить те или иные главы нашей истории, национально-освободительной борьбы и дать им оценку, не приспособленную к сио-минутным требованиям, а основанную на принципах марксистско-ленинского учения.

Что же касается низоных командных звеньев, то многие их представители до сих пор пребывают в зимней спячке. Стоит только столкнуться в каком-то конкретном деле с рядом редакторов и издателей, с иными работниками отделов культуры и пропаганды, чтобы убедиться в этом. Удивляешься застенчивости их мышления, будто и не было ни XXVII съезда, ни последующих пленумов, словно безнадежно выбили из строя их радиоприемники и телевизоры, ушли в бессонный отпуск почтальные, прихватив с собою газеты и журналы, выходящие в центре страны.

Могла бы привести немало конкретных примеров неприятия весеннего дыхания перестройки и даже попыток преградить ей путь. Уверена, что таких фактов предостаточно и в других местах. Однако ясно одно: сколь бы сильным и интенсивным ни было «сопротивление материала», все равно лед уже тронулся.

Недавно в Ереване прошли гастроли Московского Театра имени Ленинского комсомола. Среди других спектаклей москвичи привезли и «Диктатур совести». Не однажды приезжали к нам и МХАТ, и Малый, и Таганка, и Ленинградские театры, но такого наплыва зрителей я раньше никогда не видела. Невозможно было сдержать напор желающих посмотреть спектакль. Они в конце концов провалили все преграды и хлынули внутрь. Каким-то чудом устроились в уже до отказа набитом зале и жадно вслушивались в каждое слово, доносящееся со сцены. Но вот артист Янковский с микрофоном в руках спустился в зал и обратился к зрителям с вопросом, что они думают о перестройке.

Я видела этот спектакль в Москве и до сих пор помню исполненные страсти и гнева отпоры людей, к которым подходил тот же Янковский. Мне было интересно, как поведет себя ереванский зритель, что он скажет. Но, увы, толком никто не ответил. Какого-то смущения, неловкости, заторможенности. И это меня очень огорчило. Кто-то, а ведь я знала, что им было о чем сказать, многое сказать. Но люди еще не привыкли к прямоте, слово еще где-то застряло на полпути, не смогло вырваться из горла. Да, это не Москва, подумала я, но и не прежний Ереван. В зале совсем другое настроение — напряженное, люди словно слились со сценой, с артистами, говорили их устами, одобряли и отрицали вместе с ними. А вот еще не открылись собственные уста, еще не научились они говорить при таком многолюдье, но зато у себя в коллективе, в окружении своих говорят уже в открытую, смело.

На общих и партийных собраниях республики звучат острые и нелицеприятные выступления, осуждаются замедление перестройки, неудовлетворительная работа государственного и партийного аппарата, особенно нерешительность в принятии безотлагательных мер, вызванных острым экологическим состоянием республики, в частности Еревана. И то, что в ближайшее время должны приступить к демонтажу старого производства научуча, как утверждают руководители республики, говорит о том, что всенародное участие в решении этой проблемы даст свои плоды.

КАК МЕНЯЕТСЯ «нравственная погода» во всей стране, видно и по бесчисленным письмам читателей, полным тревоги и размышлений, затопляющим газеты и журналы, и по беспокойным и бесконечным людским обсуждениям насущных проблем, жгущим столкновению мыслей и мнений, по напряженному ожиданию чего-то хорошего, страстному нетерпению немедленно увидеть результаты перестройки. Дрогнуло, пошло трещинами его величество Равнодушие, которое, казалось бы, не в силах злепестрять с места никакое двенадцатибалльное землетрясение.

Это оздоровление сегодня охватывает все новые и новые слои людей. И в конце концов, как бы ни замедлялся этот процесс, должны рухнуть возведенные из столбов и крепей бюрократические баррикады, анахроничное, сложенное из готовых конструкций мышление, должны отступить, отойти в сторону все те, кто лелеет надежду, что перестройка — это всего лишь временный переполюх, который вскоре пройдет и все повернется вспять, к старому.

Нет, к старому возврата быть не может! И хочется вспомнить слова М. С. Горбачева о том, что навести порядок в доме может тот, кто чувствует себя хозяином этого дома. Именно такого права и хотят добиться люди — права на участие в судьбе своей страны, на сопричастность ее поражениям и обретениям, обидам и радостям, заботам и тревогам — права на бессонницу.